

Молодой император в золотой короне, облачённый в простую одежду с золотой оторочкой, стоял у резной балюстрады из белого нефрита и смотрел на луну. В руках он сжимал нефритовый кувшин с вином, а на лице его не было и тени радости — будто он пировал с добрым другом, а не праздновал собственную свадьбу. Ханьский император, старше Иэрданя на пять лет, говорил с ним по-братски ласково, избегая прямых упоминаний о яньчжи, но все его слова так или иначе кружились вокруг неё. Иэрданю было противно, он едва пригубил вино и попросил разрешения удалиться, но император остановил его, велел слугам принести дары для шаньюя и для него самого.

Нехотя приняв подношения, Иэрдань вернулся в гостиницу и перебрал их. Помимо золота, яшмы и прочих сокровищ, император прислал роскошные шёлковые ткани — узоры, дозволенные лишь знати ханьского двора. Увидев эти изысканные материи, куда прекраснее тех, что добывались торговлей, Иэрдань пришёл в такую ярость, что не мог есть. К тому же император написал его отцу пространное послание, а вместо нарисованного попугая отправил живую птицу.

Раздражённый болтовнёй попугая, Иэрдань в ту же ночь сварил из него суп, а письмо императора прочёл от строки до строки и без сожалений предал огню, не показав отцу.

Праздник у костра завершился лишь глубокой ночью. Иэрдань видел, как отец унёс в покои опечаленную яньчжи, и сердце его сжалось, будто камень застрял в груди. Чтобы заглушить боль, он до рассвета скакал по степи.

В шатре красавец вновь подвергся насилию шаньюя. Обнажённый, он сидел у него на коленях, прижатый к своей «собачьей конуре», а шаньюй с дикой страстью входил в него. Прислонившись спиной к толстой меховой подстилке, с длинными ногами на плечах у мужа, он дрожал от каждого толчка. Красавец стонал, отдаваясь наслаждению, — лишь в сексе он забывал о горестях. Шаньюй был груб, и от его движений всё тело немело.

Шаньюй сказал, что простит его только после рождения ребёнка. Красавец взглянул на место их соединения и с отчаянием закрыл глаза.

Лунный свет струился сквозь дыру в вершине шатра. В его сиянии красавец видел покрытое потом лицо шаньюя и не мог сдержать стонов. Было невыносимо, но отказать мужу он не смел. Его гибкое тело прижималось к неровной меховой подстилке, и он отчётливо чувствовал, как огромный член шаньюя наполняет его. Шаньюй по-прежнему был одержим им, и красавец, теряя контроль, ласкал его бёдра и мошонку, стоная:

— Великий правитель... ах... ах...

Молочно-белое тело вздрагивало, покрываясь испариной, а розовые соски жаждали прикосновений. Красавец повернулся, растирая их о мех, и, закрыв глаза, опустил пальцы ниже, лаская место их соединения и яйца шаньюя, почти теряя голову. Шаньюй, возбуждённый, схватил его руку и принялся вместе с ним водить по своему влажному члену. Его яньчжи оставалась такой же распутной — стоило ей сесть к нему на колени, и она начинала вести себя как кобыла в жару.

Всю ночь красавец пролежал в «собачьей конуре», пока шаньюй не извергся. Утром, вытащив член из его распухшего влагалища, шаньюй с удовлетворением увидел, как растянутое отверстие сжимается и разжимается, изливая потоки семени. Красавец лежал на меховой подстилке в забытьи, во сне постанывая и поджимая ноги.

На следующий день, едва шаньюй удалился, Иэрдань снова пробрался в шатёр яньчжи.

Красавец всё ещё спал, казался измождённым и, почувствовав прикосновения, не открыл глаз. Иэрдань, с болью глядя на его растрёпанный вид, нежно вытер кровь с уголка его губ. Красавец, нахмурившись во сне, слегка оттолкнул его.

Иэрданю казалось, что сердце его разорвётся. Внезапно он вспомнил слабого ханьского императора — тот смотрел на него стеклянными глазами, несколько раз порывался что-то сказать, но лишь выпив лишнего, осторожно спросил:

— Что принц думает о красавицах ханьского дворца?

Иэрдань, мрачно отхлебнув вина, ответил с презрением:

— Красавицы, что окружают Ваше Величество, одна прекраснее другой. Вам, должно быть, очень повезло.

Лицо императора побелело. Иэрдань попросил разрешения удалиться:

— Ваше Величество недавно вступил в брак, императрица, наверное, ждёт вас. Иэрдань прощается.

Император остановил его, вручил дары и даже предложил двух красавиц, подававших вино. Иэрдань принял подношения, но от женщин отказался. Император настаивал, но Иэрдань холодно возразил:

— Ваше Величество, ваши намерения благородны, но в запредельных землях суровый климат. Эти нежные создания, пожалуй, не выдержат и через несколько дней сбегут. Тогда мне придётся их ловить. Не обременяйте меня этим.

Император побледнел и, дрожа, спросил:

— Сбегут?..

Иэрдань фыркнул. Император, казалось, был на грани слёз.

— А если поймают, что с ними будет?

— Естественно, им сломают ноги и прикуют, — ответил Иэрдань.

Опоённый вином и злостью, он наговорил лишнего и ушёл, оставив императора в оцепенении. Иэрдань знал, что не должен был так говорить, но, вспомнив, как яньчжи выпороли за попытку побега, не мог сдержать ярости. Увидев лицемерные намёки императора, он скрежетал зубами и сыпал жестокими словами.

Глядя теперь на обнажённую и измученную яньчжи, Иэрдань почувствовал, как глаза наполняются слезами. Он наклонился и коснулся губами её губ, слизав следы крови.

Шаньюй, довольный тем, что овладел яньчжи, днём отправился с Иэрданем кататься по степи и беседовать. Иэрдань просил разрешения остаться при отце, но шаньюй отказал, доверяя только ему охрану восточных рубежей. Тогда Иэрдань посоветовал отцу остерегаться великого полководца Хуяня. Шаньюй нахмурился.

Иэрдань передал отцу донесения лазутчиков:

— Хуянь давно недоволен вашим миром с ханьцами и тем, что вы благоволите яньчжи. Вы

держите его младшего сына при себе, чтобы держать его в узле.

Шаньюй едва заметно кивнул. Толстый мальчик казался покорным и неотступно следовал за ним. Иэрдань добавил:

— Отец, позвольте Улэйжо вернуться. Брат уже достаточно наказан, и сейчас он вам нужен.

Шаньюй всё ещё злился на Улэйжо за непослушание, но, учитывая обстоятельства, велел вызвать его обратно.

Иэрдань продолжил разговор, исподволь касаясь темы яньчжи и прося отца быть с ней добрее. С горечью в голосе он сказал:

— Император Хань, старший брат яньчжи, — человек мягкий. Она выросла с ним и, вероятно, привыкла к ласковому обращению.

Шаньюй, вспомнив о побеге яньчжи, рассердился. Он всегда был груб и не умел притворяться, как ханьцы. Но, заботясь о своей яньчжи, с презрением спросил, каков император лицом. Иэрдань брезгливо ответил:

— Уродлив и слаб, не стоит и мизинца вашего, отец.

Шаньюй рассмеялся, польщённый, и самодовольно заявил:

— Все ханьцы трусливы, и император не исключение. Увидь он моих всадников — так сразу на колени бы рухнул!

Иэрдань поддакнул:

— Лишь вы, отец, — настоящий герой, и лишь вы достойны такой красавицы, как яньчжи!

Шаньюй, довольный, воскликнул:

— Трусливый император!

Иэрдань поддержал:

— Беспомощный император!

.....

Когда Иэрдань вернулся в степи Хулунь, Улэйжо наконец получил прощение отца и разрешение вернуться в царский двор.

По пути в царский двор на Улэйжо напали мятежные солдаты хунну, и это задержало его на два месяца. К его возвращению обстановка при дворе накалилась: старший принц тайно стягивал войска для защиты.

Яньчжи всё больше спала, её дух был подавлен. Выходить из шатра шаньюя ей разрешали редко. А в её чреве уже таилась новая жизнь — шаман первым распознал беременность и немедленно доложил шаньюю.

На четвёртый год правления ханьского императора в царском дворе хунну вспыхнула междоусобица.

Большой полководец Хуань, недовольный дружественной политикой шаньюя по отношению к ханьцам, объединился с воинственными племенами и развязал ожесточённую борьбу за престол. Муж принцессы Шали, генерал Тэмуэр, возглавил авангард мятежников, но был убит при попытке покушения на шаньюя. Сам шаньюй в той стычке получил тяжёлую рану стрелой и вскоре скончался.

<http://bllate.org/book/16253/1461993>